

УДК 1(091):316

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-365-374

РИМСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ «ОБЩНОСТИ» В ЭПИГРАММАХ МАРЦИАЛА (АКСИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ЦЕЛОГО)

Мисюров Николай Николаевич

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Предметом исследования являются дифференцированные социальные общности, характерные для римского общества позднего времени (эпохи империи), формировавшие смысловые содержания конструкторов культуры повседневности; в качестве одного из типичных «артефактов» рассматриваются книжные тексты (эпиграммы Марциала — одного из «школьных» классиков) в коммуникативном контексте, отразившие в своем художественном содержании «малые» события общественной и семейной жизни Рима. Тема и цель исследования — увидеть и понять трансформацию традиционных социальных сообществ (сословного, семейного, политического, профессионального, этнического типов), обусловленных исторической общественной практикой, римской идеологией, ментальными концептами и стереотипами социального поведения. Методология исследования определена взаимосвязями эпистемологических полей смежных дисциплин, в рамках которых в разных аспектах представлены изучаемые феномены. Работа выполнена на стыке философии, социологии (в том числе социологии культуры) и текстологии; особое значение приобретает аксиология исследуемой проблемы. Наглядность результатов исследования определена обращением к литературным источникам, позволяющим проследить статику и динамику повседневной культуры античности, отражающим глубокие изменения, произошедшие как в формационных структурах великого Рима, так и в социокультурном пространстве римской античности. Область применения результатов не ограничивается только лишь гуманитарным знанием: возможные последующие наблюдения предполагают расширение круга источников (вплоть до материальных, например, археологических, статистических) и специализацию в одном из обозначенных статей направлений. В выводах акцентируется внимание на перспективности аксиологического (в соединении с философией культуры и социальной психологией) подхода к изучаемым социальным и культурным феноменам.

Ключевые слова: общности, дифференциация, социальные идентичности, единичное и общее, культура повседневности, смысловые структуры, образы жизни.

ROMAN SOCIAL «COMMUNITY» IN EPIGRAM OF MARTIALIS (AXIOLOGY OF THE SOCIALLY DIFFERENTIATED WHOLE)

Nikolay N. Misyurov

Dostoyevsky Omsk State University

The study deals with differentiated social «communities» peculiar to the Roman society of the late period (Empire era), which formed the «meaningful contents» of the everyday life culture constructs. As one of the typical «artifacts» there are considered «book» texts (epigrams of Martialis), reflecting «small» events of social and family life of Rome. The study aims to trace the transformation of traditional social communities (of the class, family, political, professional, ethnic types) caused by historical social practice, Roman ideology, mental concepts and stereotypes of social behavior. The methodology of the study is determined by the interrelations of the «epistemological fields» of related disciplines within which the stud-

ied phenomena are represented in different aspects. The research is conducted at the intersection of philosophy, sociology (including sociology of culture) and textual criticism; the axiological aspect of the problem under discussion acquires a special meaning. The analyses of literary sources allows to trace the static and dynamics of the daily culture of antiquity, reflecting the profound changes that occurred both in the formation structures of the «great» Rome and in the sociocultural space of Roman antiquity. The scope of application of the research results is not limited to the field of humanities; possible follow-up may involve expansion of the range of sources (up to material sources, such as archaeological, statistical) and specialization in one of the areas indicated in the paper. The conclusions demonstrate the potential of the axiological approach (in conjunction with the philosophy of culture and social psychology) to the studied social and cultural phenomena.

Keywords: community, differentiation, social identities, single and common, culture of everyday life, semantic structures, lifestyles.

Введение. Общество и социальные общности

Общности у Аристотеля рассматриваются так: «Все сообщества — это как бы члены государственного сообщества: они промышляют что-то нужное, добывая что-нибудь из необходимого для жизни... Это значит, что другие взаимоотношения в сообществах преследуют цель частной полезности; так, моряки имеют целью пользу в смысле зарабатывания денег; соратники на войне стремятся к пользе с точки зрения войны: захватить имущество, завоевать победу, взять город; соответственно обстоит дело и у членов филы. Иные сообщества возникают ради удовольствия; их цель — жертвенные пиры и пребывание вместе» [Аристотель, 1983, с. 233]. «Неклассическая» эпистемология новейшей социологии акцентирует внимание на нелинейности процессов, абсолютизируя «субъективное» [Синергетическая парадигма..., 2000; Синергетическая парадигма..., 2002; Синергетическая парадигма..., 2009]. Сообщества подчиняются государству, цель которого — общественное благо. Римское обожествление государства (в идеологии и на ментальном уровне) — классический пример.

Общество в современной научной парадигме рассматривают в качестве объективной реальности, человека — как социальный продукт общества (осознанное социальное действие индивидов, совокупная производственная и духовная деятельность социальных групп оформляют отношения социальных идентичностей и структурируют дифференцированное целое). Социальная реальность состоит из определенных объективных структур, находящихся отражение в субъективном опыте индивида; это могут быть формальные общественные институ-

ты, общепринятые модели социального поведения, стереотипы суггестивных рецепций определенных культурных смыслов, а также принявшие идеологические формы концепты коллективной памяти, накладывающие отпечаток на действия субъектов. «Междисциплинарный инструментализм» считается важнейшим достижением современного гуманитарного знания [Синергетическая парадигма..., 2002, с. 75].

1. Эпистемология и методология исследования

Проблема социальной дифференциации (параллельно стратификации) давно известна социальной науке, задача которой — исследование типов систем социальных отношений («сети организованных групп»), природы их изменений, динамики интегрированной культуры (не истории культуры, а социологии ее изменения), процессов, тенденций, ритмов и темпов долговременных и «спазматических», краткосрочных изменений [Сорокин П.А., 2006, с. 26, 637]. Решение задачи определения причин разнообразия типов социального поведения должно учитывать самые различные мотивации, влияния, реакции («плюрализм фактов», по П.А. Сорокину). Все великие социологические системы испытали влияние философии истории, большая часть философских учений в определенной мере близка социологии культуры. Такова методологическая основа принятого нами исследования обозначенной проблемы на конкретном (в данном случае — литературном) материале.

Формы дифференциации при всем различии социальных групп схожи: «отношения простой конкуренции, соединение многих слабых про-

тив одного сильного, избыток входящих в группу индивидов, последовательное усиление установленных индивидуальных отношений», «определенное социальное положение как формальный факт соотносит между собой членов самых разнообразных групп, для которых характерно это социальное положение» [Зиммель Г., 2015, с. 52]. Процессы социальной дифференциации размывают изначальные границы, маркированные экономически и духовно.

Смысловой основой поведения самому действующему или наблюдателю представляется мотив как смысловая структура социальной мобильности. Последовательное поведение субъективно адекватное в той степени, отмечал М. Вебер, в какой соотношение составляющих его частей воспринимается как типичная («правильная») смысловая связь; напротив, каузально адекватна последовательность процессов в той степени, в какой, согласно данным опыта, существует вероятность того, что она постоянно будет протекать таким же образом. «Правильная каузальная интерпретация конкретного действия означает, что правильно познаны его внешнее течение и мотив. Правильная каузальная интерпретация типичного действия означает, что считающийся типичным процесс является адекватным в смысловом отношении» [Вебер М., 2016, с. 74]. Вопрос об утилитарности ценностного выбора индивидом (не всегда осознанного) тех или иных концептуальных элементов общественной практики составляет существо аксиологического аспекта исследования.

2. Философские и социологические основания исследования

Итак, мы определились с как объектом исследования (общности), так и с его предметом (продуцирование ценностями социокультурных образцов жизни дифференцированного социума).

Методические (когнитивные) основания исследования таковы: основой всех человеческих поступков, утверждал М. Вебер, является смысл, — «фактически подразумеваемый действующим в исторически конкретном случае или подразумеваемый действующими в массе конкретных случаев либо содержащийся в понятийно сконструированном чистом типе действующего или действующих субъективно»; граница между осмысленным действием и просто реактивным поведением, не связанным с

«субъективно подразумеваемым смыслом», подвижна; «значительная часть всего социологически релевантного поведения, особенно традиционное действие, лежит на границе между ними» [Вебер М., 2016, с. 68].

Существует ли наряду с философией истории «опытная наука о человеческом общежитии»? Отвечая на этот вопрос, В. Зомбарт указывал на ошибку тех, кто подобно М. Шелеру считал, что «метаисторическое» рассмотрение человеческой культуры вынуждает «всякую опытную науку о культуре» по необходимости раствориться в истории. Немецким романтикам решение вопроса виделось так: «История никоим образом не может быть отделена от фактов, но всецело основана только на действительности; философия истории должна вытекать из действительных исторических событий, из описания и исторической характеристики самих фактов как их чистый результат, должна быть выведена из них как из целого и существенной взаимосвязи этого целого» [Шлегель Ф.В.К., 2015, с. 358]. Объект опыта научной социологии и исторической науки единый, но разграничение необходимо «вследствие различного подхода к объекту» [Зомбарт В., 2003, с. 13]. Исторический подход — исследование единичного, однократного, социологический — повторяющегося, типического; специальное рассмотрение областей культуры синтезирует именно философия.

Многомерное пространство социального мира выстаивается по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в социальном универсуме; в той мере, в какой свойства, выбранные для построения пространства, являются активными его свойствами, это пространство можно описать как поле сил, совокупность объективных отношений, которые «навязываются всем входящим в это поле и несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же только к их непосредственным взаимодействиям» [Бурдьё П., 2007, с. 15]. Это конструкция внешняя. Уточним теперь характер внутренней конструкции (понятийной модели). Социальное поле — продолжим принятую за основу схему — можно описать как такое многомерное пространство позиций, в котором агенты определяются объективно по их конкретной позиции в этих отношениях (по П. Бурдьё, устойчи-

вых, признанных социально или гарантированных юридически социальных статусах). «Экстенсивность социальной системы тотальна; она охватывает все взаимосвязи своих членов, полностью регулирует их поведение и все их взаимоотношения, число социальных взаимосвязей, вовлеченных в такую систему, чрезвычайно велико; каждый шаг человека приводит ее в действие» [Сорокин П.А., 2006, с. 632].

Во всякой активности общностей структуры социальной «стратификации» и механизмы социализации индивида определяются хозяйственными причинами, вытекающими из экономической ситуации; всякое действие является экономически детерминированным. Что же такое социальное действие (не только указавший на решающее значение протестантской этики для упрочения экономического базиса западноевропейской цивилизации М. Вебер, но уже Аристотель не сомневался, что дух капитализма в неразрывном единстве с полисной этикой обеспечил расцвет афинской демократии) и как оно соотносится с хозяйством? Позволим себе обширную цитату, поскольку вряд ли кто-то скажет об этом лучше самого М. Вебера: «Рационально организуемое действие по субъективно подразумеваемому смыслу участниками может быть нацелено на хозяйственный результат — удовлетворение потребности или получение дохода. Тогда оно ложится в основание хозяйственной общности. Также оно может использовать хозяйствование как средство для достижения других результатов, на которые нацелено. Тогда это хозяйствующая общность. Хозяйственные и нехозяйственные цели в действии связаны друг с другом. Строго говоря, первое относится только к тем общностям, которые хотят извлечь выгоду из специфической экономической ситуации, к хозяйственным общностям, ориентированным на получение дохода. Общности, ориентированные на удовлетворение потребностей, прибегают к хозяйствованию ровно в той мере, в какой оно неизбежно при имеющемся соотношении потребностей и имеющихся для их удовлетворения благ» [Вебер М., 2017, с. 62]. Это объяснение — основа анализа литературного источника (сборника эпиграмм Марциала), «блеск и нищета» великого Рима (имущественное расщепление «народа римского» — предельно дифференцированного социального целого) — ве-

дущая тема его эпиграмм (жанра специфического; о природе смеха написано филологами немало). Культура отражает «экспрессивную» сторону социальной жизни, ее символы репрезентируют образ мыслей, чувствований, стереотипы социального поведения членов общества [Griswold W., 2013, p. 12].

3. Историко-литературные и текстологические основания исследования

Эпиграммы классика древнеримской литературы Марка Валерия Марциала до сих пор остаются одним из важнейших литературных источников по истории римского быта эпохи Империи; возможности жанра позволяли оперативно откликаться на значимые и «малые» события, разнообразные явления римской жизни (греческая эпиграмма сродни эпитафии, это действительно «надпись»; римская сатира же — в первую очередь социальная инвектива). Дошедшая до нас без потерь «Книга эпиграмм» — полное собрание сочинений модного в столичном обществе (культурной среде «вечного города») поэта, имевшего влиятельных друзей при дворе бесконечно менявшихся Цезарей (которых, по словам Плутарха, «приводили и уводили, точно актеров в театре») [Плутарх, 1964, с. 403]. Скромную оценку его творчества предопределило суждение именитого современника Плиния Младшего, полагавшего, что «эпиграммы Марциала не будут вечными» [Плиний Младший, 1982, с. 60]. Между тем его талант был высоко оценен и классицистами, и романтиками. В оправдание «игривой правдивости слов» он писал: «Надеюсь, в своих книжках держался я такой меры, что всякий, кто правильно о себе судит, не может на них пожаловаться» [Марциал М.В., 1968, с. 29]. Начитанность поэта позволяет предположить, что с учением стоиков (философов, популярных в эллинистический период) он был знаком. Контрапунктом античной аксиологической мысли является «преимущественно универалистская трактовка ценностного», предполагающая иерархичность всеобщих имущественных, телесных и душевных ценностей (следует различать зачастую смешиваемые понятия «предпочтения», «благо» и «ценности», которые на самом деле по значимости располагаются на различных уровнях шкалы, а потому должны отделяться от составляющих шкалы интенций, не

отождествляясь с общечеловеческими потребностями) [Шохин В.К., 2006, с. 126]. Это не означает индифферентности поэта (уроженца провинции) к ценностным предпочтениям социально близких ему общностей (это верхи римского общества, для которых он был все-таки «чужаком»).

В описываемую эпоху «плохих императоров» римское государство и общество переживали глубокий системный кризис; падение «отеческих» нравов было следствием экономического застоя. «Римская держава испытывала потрясения и муки, схожие с муками и борьбой титанов» [Плутарх, 1964, с. 402]. Историческая картина взлета и падения великого Рима описана в фундаментальном труде Т. Моммзена (1854), до сих пор не утратившем своей научной значимости; именно тогда «намечены были все пути, по которым с тех пор идет человечество» [Моммзен Т., 1997, с. 19]. Однако нас интересует не историко-культурный, а социологический аспект проблемы: что является причиной далеко зашедшей дифференциации все еще монолитного социального целого? Классики науки объясняют: «Многие конечные цели и ценности, на которые ориентировано человеческое действие, мы часто не можем понять с полной очевидностью... В зависимости от сложности случая нам придется удовлетвориться их интеллектуальной интерпретацией» [Вебер М., 2016, с. 69].

Почему выбран в качестве источника литературный материал? Культура — центральная тема современных общественных наук; чтобы понять, как люди думают, чувствуют, действуют и выражают себя, необходимо изучить культуру, которую они создают и которой они создаются; необходимо сосредоточить внимание на культурных силах, структурирующих повседневную деятельность индивидов [Inggris D., 2005]. Сущность культуры повседневности описывается ключевыми теоретическими моделями, применяемыми при изучении традиционных культурных обычаев или же современных контркультурных идеологий и движений; таким образом выявляется различие «социальных идентичностей» [Bennett A., 2005]. Что касается статуса выбранного нами римского классика, то его принадлежность к авторам второго плана сказывается на его научной репрезентативности; Марциал обделен внимани-

ем современных исследователей античной литературы, а новейшие работы, посвященные его творчеству, носят прикладной характер [Котова А.В., 2018; Мельцер Р.И., Недбайлик С.Р., 2019]; зарубежные исследования в основном продолжают академическую традицию [Holzberg N., 2002; Fitzgerald W., 2007; Sullivan J.P., 2005]; до конца не сформировался корпус переводимых сочинений поэта: авторы дискутируют о принципах перевода [Martialis M.V., 2012]. В этом смысле данная статья обладает несомненной новизной, поскольку возвращает поэта в центр общественной жизни позднего Рима.

4. Аксиологический аспект исследования

Римское общество эпохи империи (в особенности столичное), столь ярко, живо и в таких подробностях сатирически описанное Марциалом, уподобим буржуазному (имея в виду проникновение денежных отношений во все сферы публичной и даже семейной жизни захватившего все сословия духа «торгашества»). Человеческие отношения принимают меркантильный характер (подобно буржуазной одержимости собственностью, охватившей общество XIX в.); высвобожденный из социальных пут позитивно понимаемый индивидуализм прилагает всю свою негативно оцениваемую энергию для достижения собственных целей, успех повышает его социальный статус [Штирнер М., 2017]. Всякое понимание такого рационально ориентированного целевого действия характеризуется высшей степенью очевидности [Вебер М., 2016, с. 69]. На материале нашего времени (общества эпохи индустриализма) модель поведения индивида в разрушающихся традиционных общностях Э. Фромм описывает так: «Наше “эго” имеет много разных аспектов; оно включает: тело, имя, социальный статус, имущество (включая наши знания), наше представление о себе и то впечатление, которое мы хотим произвести на других. Эго — смесь из реальных качеств (знаний, умений, навыков) и определенных фиктивных качеств, которые мы стараемся сгруппировать вокруг некоторого реального ядра» [Фромм Э., 2018, с. 111].

Диалектически противоречивое ядро (римский дух, «исчисление» ценностей) под сатирическим пером Марциала начинает обретать вид аксиологической дихотомии: с одной стороны,

поэт дорожит дружбой с редчайшими теперь людьми, «если кто и учен и притом истинно скромн и прост, если кто правду блюдет и честность кто почитает и потихоньку от всех не умоляет богов, если кто духом велик и в нем находит опору», сам гордится тем, что «того потерта на мне, но своя» [Марциал М.В., 1968, с. 77]; с другой стороны он, пусть и иронично, но весьма любопытно саморазоблачается: «Не виноградником мне, водоемом владеть бы в Равенне, больше нажиться я там мог бы продажей воды» [Марциал М.В., 1968, с. 99]. Эго его, как видим, катастрофически раздваивается.

Не моралистическая (не забудем о его неприятии чрезмерной «серьезности» Ювенала), а аксиологическая по сути установка типизирует большинство «зарисовок», жизненных наблюдений и суждений поэта; эту установку можно выразить крылатым изречением: *vanitas vanitatum et omnia vanitas* (ветхозаветное «суета сует» в латинском тексте Библии переведено именно языком римской толпы). Вот дружеский совет приятелю: «Хочешь ты быть независимым? Этого можно достичь: ты независим, коль ты в гостях не обедаешь, Максим, коль тебе блюда смешны золоченые жалкого Цинны, коль обойдешься такой тогой, какая у нас... Если ты волей такой обладаешь и силою духа, то независимей ты будешь парфянских царей» [Марциал М.В., 1968, с. 76]. Вот упрек тщеславному общему знакомому: «В день рождения сенат у тебя за обедом, ты приглашаешь к себе всадников чуть ли не всех, в тридцать сестерциев всем раздаешь ты щедро подачку. Но родовитым тебя все ж не сочтут!» [Марциал М.В., 1968, с. 289]. А вот снисходительное наставление простаку из деревни: «Честен ведь ты и бедняк, ты правдив на словах и на деле, так почему ж тянет в столицу тебя? Ты никогда не сойдешь ни за сводника, ни за гуляку, робких ответчиков в суд грозно не сможешь ты звать, ты не решишься жену соблазнить кадычного друга и не сумеешь прельстить ты одряхлевших старух, всякий рассказывать вздор...» [Марциал М.В., 1968, с. 114]. И наконец, о самом себе: «Спросите вы, почему мне не надо богатой супруги? Да не хочу я совсем замуж идти за жену. Надобно, чтоб жена была в подчиненье у мужа. Иначе равенства между супругами нет» [Марциал М.В., 1968, с. 225].

5. Результаты исследования (данные литературного источника)

Дифференцированные общности, с которыми контактирует, к которым принадлежит поэт, представляют собой весьма разноликую публику (выходцы из всаднического сословия, отпрыски благородных семейств, клиенты знатных фамилий, разбогатевшие вольноотпущенники, слуги и приспешники «отцов-сенаторов», приближенные к императорскому двору фавориты и домочадцы Цезарей, авантюристы неизвестного происхождения). Вот несколько в социологическом смысле ценных зарисовок: «Что за причина тебя иль надежда в Рим привлекает, Секст? И чего для себя ждешь там иль хочешь, скажи?» [Марциал М.В., 1968, с. 95]; «В пору, когда посещал друзей он достойных и честных, в тоге холодной ходил нищим он, бедняк. С той же поры как заискивать стал у развратников гнусных, земли, столы, серебро он покупает себе» [Марциал М.В., 1968, с. 179]; «Предками ты и громкими их именами хвалишься все, и совсем всадник не пара тебе: все говоришь, что лишь за сенатора замуж вышла бы. Ну, а глядишь, за коробейником ты» [Марциал М.В., 1968, с. 147].

Еще одна злободневная тема — деньги: «По судам заставляет Тит таскаться, говоря мне частенько: “Выгод много”. Много выгод, мой Тит, у земледельца» [Марциал М.В., 1968, с. 34]; «И судье надо дать, и адвокату... Секст, да ты уплати заимодавцу!» [Марциал М.В., 1968, с. 67]; «Приторговав для себя дорогую в деревне усадьбу, дать мне сто тысяч займы я прошу. Не отвечаешь ты мне, но ответ я в молчании слышу: “Ты не отдашь!” Для того и прошу» [Марциал М.В., 1968, с. 168]; «Если ты дал мне займы полтора-два каких-нибудь тысяч из сундука твоего, что до отказа набит, другом великим себя ты за это считаешь?» [Марциал М.В., 1968, с. 95]; «Что получил от друга тысяч ты двести, на этих днях довольный ты хвастал... Вчера ты из театра вдруг пустился вон с криком, что получил в наследство тысяч ты триста, а рано утром — сто, да и в обед сотню. Скорей смолкни! А если уж не может твой язык стихнуть, то ври такое, что приятно нам слушать» [Марциал М.В., 1968, с. 130]. Однако богатство, как и иное благо, не впрок: «Дали бы мне миллион сестерциев вышние боги, — Сце-

вола, ты говорил, — как бы я зажил тогда, как широко и как беззаботно! На смех и дали тебе боги, о чем ты просил. Тога гораздо грязней после этого, трижды, четырежды твой заплатан башмак» [Марциал М.В., 1968, с. 55]. «Ловкий аукционист продавал на холмах виноградник и еще чудный участок земли и говорил: “Ошибается тот, кто считает, что Марий из-за долгов продает”. “Ради чего ж этот торг?” — “Да рабы его там перемерли, сгинул весь скот, урожай”. Кто же тут цену наддаст?» [Марциал М.В., 1968, с. 51]. Не в богатстве достоинство человека: «Беден я, Каллистрат, всегда, признаюсь, был я беден, но безупречным всадником я остаюсь. Все и повсюду меня читают, и слышится: “Вот он!” То, что немногим дала смерть, подарила мне жизнь. А у тебя-то на сотню колонн опирается кровля, доверху полон сундук нажитым в рабстве добром; с нильской Сиены полей ты обширных имеешь доходы... Вот каковы мы с тобой, но быть, чем я, ты не можешь, стать же подобным тебе может любой из толпы» [Марциал М.В., 1968, с. 145].

Самым значительным фактом изменений в социальной структуре античного общества эллинистической эпохи (когда пытавшиеся противостоять эллинофилам консервативно настроенные представители политических элит потерпели поражение, космополитизм как господствующее умонастроение и индивидуалистичное отношение к миру проник в Рим) стало появление многочисленной и зажиточной «буржуазии»; она извлекала доходы из торговли и ремесел, не пренебрегала скупкой общинных земель; ее материальный и интеллектуальный уровень повысился в сравнении с предыдущей эпохой, в результате образовался дискурс моды; произошли глубокие изменения в быту [Левек П., 1989, с. 76]. В панегирике Марциала очередному Цезарю мы читаем: «Всю столицу себе захватил было лавочник наглый, так что нельзя и пройти было нам к нашим домам. Ты же, Германик, велел расширить все переулки: вместо тропинок теперь всюду дороги ведут. Нет уже больше столбов, увешанных цепью бутылок, и не приходится лезть претору в самую грязь. Стиснутый всюду толпой не бреет цирюльник вслепую, не занимает теперь улицы грязный кабак. Повар, мясник, брадобрей, трактирщик сидят по порогам: Рим возродился...» [Марциал М.В., 1968,

с. 209]. Лучшим людям «триумфами Рим обязан, возрождением храмов, театрами, богами, главное — чистотой нравов» [Марциал М.В., 1968, с. 168]. Однако лучших людей мало.

Многое кардинально менялось в функционировании традиционных социальных структур (не только римских, но и греческих, сирийских, африканских, «варварских»). К примеру, коллегия понтификов и коллегия ремесленников имели разную динамику трансформации (античные коллегии иногда рассматривают как союзы социальной взаимопомощи), но участь стратифицированных индивидов даже наиболее статусных общностей была одинаковой. Великий Рим клонился к своему закату.

Заключение

Итак, «капиталистический» меркантилизм, радикально изменивший экономическую жизнь всего эллинистического мира под римским владычеством, пронизывал все сферы общественной жизни и нашел свое адекватное отражение в повседневной культуре (соответствующих образов жизни и стилей жизни в литературе). Менялась форма и содержание дифференциации общностей. Внутри общности возникли классовые положения: «...их порождает совокупное действие общности, которое есть взаимное действие людей, принадлежащих к разным классам» [Вебер М., 2017, с. 301].

Выделяемые обычно (вслед за Г. Зиммелем) две логически взаимоисключающие характеристики человеческого бытия — продукта и содержания общества и автономного бытия — ставят вопрос об общих значениях социальных общностей. Неслучайно античная мысль (в дискуссиях стоиков с платониками и их совместном противостоянии скептикам) в «исчислении» иерархически организованных ценностей обозначила проблему эгоизма человека в его межличностных отношениях и в социальном поведении. Проблематику ценностей необходимо отделять от «вечных проблем» (метафизики, политики, этики и эстетики), но аксиологический дискурс — фундаментальная область философствования.

Прерогатива здесь принадлежит уже не социологии, а этике. Материальная этика есть однозначно этика успеха, формальная этика рассматривает убеждение (и соответствующее ему желание) в качестве отправной точки системы

ценностей. «Всякая материальная этика необходимо есть гедонизм и связана с наличным бытием чувственных состояний удовольствия от предметов», считал М. Шеллер; материальная этика видит основание этических оценок в «инстинктивном эгоизме человеческой естественной организации»; «формальная этика обосновывает нравственный закон, независимый от эгоизма человеческой естественной организации» [Шелер М., 1994, с. 263].

Социальные ценностные суждения затрагивают саму сущность ценностной материи благого; задача этики состоит в том, чтобы понять объективное содержание блага и зла вообще (а не то, что имеется в виду, что считается благом или злом). Вопрос о нравственной интенции всякого социального ценностного суждения, считал М. Шеллер, предполагает сущностное познание такой интенции: «Если же быть последовательным, подвергать критике обыденную мораль “здорового человеческого рассудка”, то тем большую значимость (в категориальном качестве опоры) обретает “интуитивное усмотрение” того, что польза является высшей ценностью» [Шелер М., 1994, с. 264]. Проиллюстрируем сказанное цитатой из Марциала: «То, что Катон завещал безупречный, ты соблюдаешь, но сам жизнью не жертвуешь ты и не бежишь на мечи обнаженные... Так поступая, ты прав, тот не по мне, кто добывает кровью известность; тот, кто без смерти достиг славы, — вот этот по мне» [Марциал М.В., 1968, с. 31]. Эпиграмма обращена к одному из «новых людей»; имя «пламенного идеалиста» Марка Порция Катона Младшего (правнука легендарного Катона Старшего), до конца противостоявшего в гражданской войне «узурпатору» Цезарю, выстраивает нравственную интенцию, осуждающую жалких потомков, утративших статус истинного римлянина; в сопоставлении нравов прошлого и настоящего всплывает еще одно имя — Публия Трасея Петы, покончившего самоубийством в правление «чудовища» Нерона; здравый смысл подсказывает поэту, что ему самому нечем особо похвастаться, но слава «первого поэта» смутного времени — не меньшее «благо», нежели слава предков.

Список литературы

Аристотель. Сочинения. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.

Бурдьё П. Социология социального пространства: пер. с фр. СПб.: Алетей, 2007. 288 с.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1: Социология. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 445 с.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 2: Общности. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 432 с.

Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии: пер. с нем. М.; СПб.: Университетская книга: Центр гуманит. инициатив, 2015. 416 с.

Зомбарт В. Социология: пер. с нем. М.: Едиториал УРСС, 2003. 138 с.

Котова А.В. Источники и рецепция Catull. 3 как средства определения интонации текста // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1(170). С. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.7>

Левек П. Эллинистический мир: пер. с фр. М.: Наука, 1989. 252 с.

Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. М.: Худ. лит., 1968. 488 с.

Мельцер Р.И., Недбайлик С.Р. Эпиграммы как малый литературный жанр: обзор античных традиций // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 1(41). С. 145–150.

Моммзен Т. История Рима: пер. с нем. СПб.: Наука: Ювента, 1997. Т. 1. 732 с.

Плиний Младший. Письма Плиния Младшего. М.: Наука, 1982. 408 с.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1964. 546 с.

Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов / отв. ред. В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович. М.: Прогресс–Традиция, 2000. 536 с.

Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве: сб. ст. / отв. ред. В.А. Копчик. М.: Прогресс–Традиция, 2002. 496 с.

Синергетическая парадигма. Социальная синергетика: сб. ст. / отв. ред. В.В. Василькова. М.: Прогресс–Традиция, 2009. 688 с.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. М.: АСТ, 2018. 320 с.

Шелер М. Избранные произведения: пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

Шлегель Ф.В.К. Сочинения: в 2 т. Т. 1: Философия истории. М.: Quadrivium, 2015. 816 с.

Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.

Штурнер М. Единственный и его собственность: пер. с нем. М.: Рипол-Классик, 2017. 464 с.

Bennett A. Culture and everyday life. Brisbane, AU: SAGE Publications, 2005. 216 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446219256>

Fitzgerald W. Martial: the world of the epigram. Chicago, IL; L., UK: University of Chicago press, 2007. 258 p. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226252568.001.0001>

Griswold W. Cultures and societies in a changing world. Lincoln, NE: SAGE Publications, 2013. 228 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781452240534>

Holzberg N. Martial und das antike Epigramm. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2002. 168 S.

Inglis D. Culture and everyday life. Abingdon, UK: Routledge Publ., 2005. 176 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203005200>

Martialis M.V. Epigrammata. Ducenti epigrammata obscena selecta. Toronto, CA: Aeterna Publ., 2012. 192 p.

Sullivan J.P. Martial: The Unexpected Classic. L., UK: Cambridge University Press, 2005. 420 p.

Получено 30.04.2020

References

Aristotle (1983). *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 4, 830 p.

Arshinov, V.I., Budanov, V.G., Voytsekhovich, V.E. (ed.) (2000). *Sinergeticheskaya paradigma. Mnogoobrazie poiskov i podkhodov* [Synergistic paradigm. A variety of searches and approaches]. Moscow: Progress–Traditsiya Publ., 536 p.

Bennett, A. (2005). *Culture and everyday life*. Brisbane: SAGE Publ., 216 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446219256>

Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. Per. s fr.* [Social space and symbolic space. Trans. from French]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 288 p.

Fitzgerald, W. (2007). *Martial: the world of the epigram*. Chicago, London: University of Chicago press Publ., 258 p. DOI: <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226252568.001.0001>

Fromm, E. (2018). *Imet' ili byt'?* Per. s nem. [To have or to be? Trans. from Germ.]. Moscow: AST Publ., 320 p.

Griswold, W. (2013). *Cultures and societies in a changing world*. Lincoln: SAGE Publ., 228 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781452240534>

Holzberg, N. (2002). *Martial und das antike Epigramm* [Martial and the Ancient epigram]. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 168 p.

Inglis, D. (2005). *Culture and everyday life*. Abingdon: Routledge Publ., 176 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203005200>

Koptsik, V.A. (ed.) (2002). *Sinergeticheskaya paradigma. Nelineynoe myshlenie v nauke i iskusstve* [Synergistic paradigm. Nonlinear thinking in science and art]. Moscow: Progress–Traditsiya Publ., 496 p.

Kotova, A.V. (2018). *Istochniki i retsepsiya Catull. 3 kak sredstva opredeleniya intonatsii teksta* [Sources and reception Catull. 3 as means of defining the text's mood]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. No. 1(170), pp. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.7>

Leveque, P. (1989). *Ellinisticheskiy mir. Per. s fr.* [The Hellenistic world. Trans. from French]. Moscow: Nauka Publ., 252 p.

Martialis, M.V. (1968). *Epigrammy* [Epigrams]. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura Publ., 488 p.

Martialis, M.V. (2012). *Epigrammata. Ducenti epigrammata obscena selecta* [Epigrams]. Toronto: Aeterna Publ., 192 p.

Meltzer, R.I. and Nedbailik, S.R. (2019). *Epigrammy kak malyy literaturnyy zhanr: obzor antichnykh traditsiy* [Epigrams as small literary genre: review of antique traditions]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Shadrinsk State Pedagogical University]. No. 1(41), pp. 145–150.

Mommzen, T. (1997). *Istoriya Rima. Per. s nem.* [History of Rome. Trans. from Germ.]. Saint Petersburg: Nauka Publ., vol. 1, 732 p.

Plinius (1982). *Pis'ma Pliniya Mladshogo*. [Letters]. Moscow: Nauka Publ., 408 p.

Plutarchos (1964). *Sravnitel'nye zhizneopisaniya: v 3 t.* [Comparative biographies: in 3 vols]. Moscow: Nauka Publ., vol. 3, 546 p.

Scheler, M. (1994). *Izbrannye proizvedeniya. Per. s nem.* [Selected works. Trans. from Germ.]. Moscow: Gnozis Publ., 490 p.

Shlegel, F.W.C. (2015). *Sochineniya: v 2 t. T. 1: Filosofiya istorii* [Works: in 2 vols. Vol. 1: Philosophy of history]. Moscow: Kvadrivium Publ., 816 p.

Shokhin, V.K. (2006). *Filosofiya tsennostey i rannaya aksiologicheskaya mysl'* [Philosophy of values and early axiological thought]. Moscow: RUDN Publ., 457 p.

Simmel, G. (2015). *Izbrannoe. Problemy sotsiologii. Per. s nem.* [Selected works. Problems of sociology. Trans. from Germ.]. Moscow, Saint Petersburg: Universitetskaya Kniga Publ., 416 p.

Sombart, W. (2003). *Sotsiologiya. Per. s nem.* [Sociology. Trans. from Germ.]. Moscow: Editorial URSS Publ., 138 p.

Sorokin, P.A. (2006). *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. Moscow: Astrel' Publ., 1176 p.

Stirner, M. (2017). *Edinstvennyy i ego sobstvennost'. Per. s nem.* [The only one and his property. Trans. from Germ.]. Moscow: Ripol-Klassik Publ., 464 p.

Sullivan, J.P. (2005). *Martial: The unexpected classic*. London: Cambridge University Publ., 420 p.

Vasil'kova, V.V. (ed.) (2009). *Sinergeticheskaya paradigma. Sotsial'naya sinergetika* [Synergistic paradigm. Social synergies]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 688 p.

Weber, M. (2016). *Hozyaystvo i obschestvo: ocherki ponimayushey sotsiologii: v 4 t. T. 1: Sotsiologiya* [Economics and society: Essays of understanding sociology: in 4 vols. Vol. 1: Sociology]. Moscow: HSU Publ., 445 p.

Weber, M. (2017). *Hozyaystvo i obschestvo: ocherki ponimayushey sotsiologii: v 4 t. T. 2: Obshchnosti* [Economics and society: Essays of understanding sociology: in 4 vols. Vol. 2: Community]. Moscow: HSU Publ., 432 p.

Received 30.04.2020

Об авторе

Мисюров Николай Николаевич
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры журналистики
и медиалингвистики

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
644077, Омск, пр. Мира, 55а;
e-mail: misiurovnn@omsu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5997-9653>

About the author

Nikolay N. Misyurov
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Journalism
and Media Linguistics

Dostoyevsky Omsk State University,
55a, Mira av., Omsk, 644077, Russia;
e-mail: misiurovnn@omsu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5997-9653>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мисюров Н.Н. Римские социальные «общности» в эпиграммах Марциала (аксиология социально дифференцированного целого) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 365–374. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-365-374

For citation:

Misyurov N.N. [Roman social «community» in epigram of Martialis (axiology of the socially differentiated whole)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 365–374 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-365-374